

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Императорское Православное Палестинское Общество

**ПАЛЕСТИНСКИЙ
СБОРНИК**

**ВЫПУСК
32 (95)**

Санкт-Петербург
Издательство "Прас-Атра"
1993

К ВОПРОСУ О ВОСТОЧНЫХ ЭЛЕМЕНТАХ В ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ*

3. К истолкованию терминологии «Логики жидовствующих»

Среди литературы так называемых «жидовствующих» наиболее трудными для понимания и потому до настоящего времени не истолкованными являются два сочинения по логике, из которых одно связывается с именем Авиасафа и представляет собою, как доказал П. К. Кокцов, отрывок из знаменитого арабского сочинения Макасида ал-фаласифа («Устремления философов») Абу-Хамида ал-Газали (ум. 1111 г. н. э.), другое же принадлежит крупнейшему еврейскому мыслителю средневековья, Моисею Маймониду (1135—1204 г. н. э.). Таким образом, оба сочинения суть памятники средневековой арабской логической литературы, достигшей, через посредство еврейских переводов, отдаленных пределов Руси лишь тогда, когда на Западе уже давно закончился период интенсивного воздействия арабской духовной культуры и пыльным цветом расцвело Возрождение, порывавшее с окостеневшей традицией¹ латинской схоластики и пробивающее широкий путь для мощного развития новой европейской философии. Для нас эти два трактата, по-видимому, оставшиеся одиночными эпизодами в истории старой русской культуры и не пустившие в почву русской книжности глубоких корней, интересны прежде всего как одна из ранних попыток создания в русском языке философской терминологии. Оценить эту попытку с точки зрения истории русского языка, указать ее корни и значение для последующего является задачей славистов; но установить непосредственное значение каждого отдельного термина слависты порой бессильны, и здесь им на помощь обязан прийти семитолог, так как русский текст обоих названных сочинений является переложением еврейского текста, восходящего, в свою очередь, к арабскому оригиналу.

О почти полной непонятности терминологии «логики жидовствующих» говорят все исследователи, касавшиеся интересующих нас памятников. «Хотя почерк рукописи, — пишет А. И. Соболевский, — вполне четкий и разборчивый полуустав, хотя все слова читаются ясно, тем не менее смысл текста, за немногими исключениями, представляет значительные затруднения. Перед нами ряд слов или совсем неизвестных, в других текстах, или хотя и известных, но употребленных не в обычном значении. Между этими словами есть несомненно сочиненные: самость, душевство, мушество, воденство, всячество, гдешество, егдешество, чтовство и т. п. Лишь при очень внимательном чтении можно догадаться, что первая

часть текста — не что иное, как краткая логика, и что слово держитель значит субъект, слово одержанный — объект, слово осуд — суждение, слово рожена — умозаключение. Но и при этом условии многое остается неясным...»¹ С. Л. Неверов, опубликовавший текст «Логики Авиасафа», по поводу терминологии пишет: «Терминология «Логики» во многом непонятна; однако кое-что позволяет себя уяснить. Так «осуд», несомненно, значит «суждение»... «держатель» значит «субъект»; «одержанный» — «предикат»,... «Прилог» значит утверждение, «уем» — отрицание. «Прилог всячый» значит общеутвердительное суждение, «уем всячый» — общеотрицательное суждение. «Прилог частный» — частично-утвердительное суждение, «уем частный» — частично-отрицательное суждение. Внимательное чтение позволило бы выяснить и еще некоторые термины, но, во всяком случае, в незначительном количестве»². Все эти термины разъясняют С. Л. Неверовым на основании приведенных в тексте «Логики» примеров.

Несмотря на то, что вышеприведенные термины поняти исследователем вполне правильно, количество их явно недостаточно для истолкования всего текста, и, к тому же, метод, которым удалось разъяснить некоторые количество отдельных, сравнительно простых выражений, не может обеспечить полной расшифровки памятника. Полного разъяснения текста можно достичь лишь одним путем: сравнением его с его еврейским оригиналом. Однако, задумав произвести такое сравнение хотя бы лишь частично, в виде пробы, я оказался в некотором затруднении: текст «Логики Авиасафа» был мне доступен благодаря публикации С. Л. Неверова, но его оригинал, один из трех еврейских переводов Макасида ал-фаласифа, представленный рядом оксфордских рукописей, находился за пределами досягаемости, и потому произвести сравнение оказалось невозможным. Недоступен был мне и арабский оригинал Макасида, который должен был появиться — или, быть может, уже появился в свет — в критическом издании *Bibliotheca arabica scholastica*, осуществляемом силами знатока средневековой философии, бейрутским ученым Морисом Буиджем; в наших библиотеках данный том названной серии еще не получен³. Правда, среди рукописей Государственной Публичной Библиотеки мне удалось отыскать список еврейского перевода Макасида, принадлежащего Исааку ал-Балагу, но так как после разысканий П. К. Кокцов-

¹ А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб., 1903, с. 401.

² С. Л. Неверов. Логика иудействующих. — Киевские Унив. ерситетские Известия. 1909, № 8, с. 10—11.

³ Maqasid al-falasifa в изд. Mr. Bouiges (Bibliotheca arabica scholastica).

* Продолжение. § 1—2 опубликованы в «Палестинском сборнике», вып. 29 /92/. Л., 1987, с. 154—167.

цова⁴, выяснилось, что этот перевод не имеет никакого отношения к тексту «Логик Авиасафа», то я предположил воздержаться от сличения с ним этого последнего. С другой стороны, в отношении «Логик Моисея Египтянина» положение как раз обратное: еврейский оригинал русского текста легко доступен в целом ряде изданий, тогда как сам русский текст еще не опубликован в печати. Поэтому мне пришлось обратиться к рукописям, которые, к счастью, оказались мне вполне доступными. Из трех известных мне рукописей одной — бывш. Московской Синодальной Библиотеки — мне, впрочем, не удалось воспользоваться; зато обе остальные рукописи, хранящиеся в Государственной Публичной Библиотеке, а именно: соловецкая, № 105 (по «Описанию» — № 263),⁵ написанная довольно крупным полууставом на голландской бумаге с водяным знаком «герб города Амстердама» и относящаяся, несомненно, к середине или ко второй половине XVII столетия, и погодичная № 1146, написанная скорописью на французской бумаге с водяным знаком «le fol» («голова шута») и восходящая, по-видимому, к первой половине или даже к началу XVII века, оказались мне доступными в полной мере. На материале этих двух рукописей (причем, в большей степени я пользовался соловецким списком, нежели погодичским) и произведено то частичное и в полном смысле слова предварительное сличение, результатом которого посвящена настоящая заметка. Однако, прежде чем изложить эти результаты, скажу несколько слов о самом памятнике.

О Моисее Египтянине, авторе нашей «Логик», древняя Русь, конечно, не имела никаких достоверных сведений, как это можно видеть хотя бы из того обстоятельства, что среди русских простонародных травников и лечебников, описанных В. М. Флоринским, мы находим посылание «О науке врача Моисея Египтянина ко Александру, царю македонскому»⁶. На самом деле, однако, этот «Моисей Египтянин», действительно по основной своей профессии являющийся врачом, жил почти через полтора тысячелетия после Александра: как уже установлено в работах А. И. Соболевского, это — знаменитый еврейский мыслитель Средних Веков, Моисей бен Маймонд (или Маймонид), происходивший из мавританской Испании, но большую часть своей жизни проведший в Египте, в Каире, где он занимал почетную должность лейб-медика султана из династии Айюбидов; он умер в 1204 г., имея около 70 лет от роду.

Среди нескольких трудов философского содержания, написанных им по обычаю восточных евреев того времени на арабском языке, имеется

и небольшой, в основном — компилятивного характера, труд по логике, озаглавленный «Трактат о искусстве логики» (Мақала фй сайн'ат алмантик). Этот трактат, состоящий из 14 глав, представляет, собственно, не систематическое изложение аристотелевской логической системы, а лишь разъяснение логических терминов, и потому предназначен служить как бы начальным введением в данную науку; поводом для его составления явился вопрос какого-то — не названного по имени — высокопоставленного, по-видимому, мусульманского богослова, пожелавшего ознакомиться с основными элементами логики. Арабский текст «Трактата о искусстве логики» до настоящего времени, насколько мне известно, еще не опубликован; мне известны всего три рукописи этого текста, к сожалению — фрагментированные. Первая из этих рукописей, содержащая главы I—VII, принадлежит Парижской Национальной Библиотеке (№ 412 de l'ancien fonds); вторая, еще более дефектная, состоящая лишь из отрывков VII и VIII глав, хранится в Оксфорде (№ 2424, II);⁷ наконец, третья входит в состав знаменитой второй коллекции рукописей А. Фирковича, находящейся в Государственной Публичной Библиотеке. Эта последняя рукопись, единственная мне сейчас доступная, не имеет ни начала, ни конца и содержит лишь несколько средних глав сочинения; к тому же, она сильно повреждена червем. По палеографическим данным — почерку, бумаге, чернилам — ее предположительно можно отнести к XIV столетию. В рукописном инвентаре второй коллекции А. Фирковича, составленном А. Я. Гаркави, она значится под № 4812.

С арабского оригинала было сделано три еврейских перевода, из которых первый выполнен одним из членов знаменитой семьи еврейских переводчиков испано-провансальской школы, Моисеем Ибн Тиббоном (ок. 1240—1283 гг.); второй, сделанный, вероятно, во второй половине или в конце XIII столетия, принадлежит представителю итало-сицилийского круга еврейских переводчиков, Ахитубу из Палермо; наконец, третий выполнен испанским врачом Иосифом Ибн Вивесом из Лорки (ум. до 1372 г.). Из этих трех переводов первый, отличающийся, как и остальные переводы семьи Тиббонов, крайним буквализмом, подчас значительно затрудняющим его понимание и рано вызвавшим необходимость в комментариях, пользовался, тем не менее, широким распространением, о чем свидетельствуют как многочисленные рукописи его, так и печатные издания, начавшиеся в середине XVI столетия (editio princeps — Венеция, 1550 г.) и продолжавшиеся до конца XIX века. Два же остальные перевода, полностью вытесненные из обращения переводом Ибн Тиббона, известны каждый всего лишь в одной рукописи; из них первый не так давно был издан М. Хаммером⁸, второй

⁴ П. К. Коковцов. К вопросу о «Логике Авиасафа». (Извлечение из Журнала Министерства Народного Просвещения за 1912 год). СПб., 1912, с. 13—15.

⁵ И. Я. Порфирьев, А. В. Валковский, Н. Ф. Красносельцев. Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящегося в библиотеке Казанской духовной академии. Ч. I. Казань, 1881, № 263, с. 405—408.

⁶ А. М. Флоринский. Русские простонародные травники и лечебники. Казань, 1880, с. 184—187.

⁷ Ad. Neubauer. Catalogue of the Hebrew Manuscripts in the Bodleian Library. I. Oxford, 1886, col. 856.

⁸ M. Chamizer R. Aclhtus aus Palermo hebraische Uebersetzung der Logica Maimunis. Hermann Cohen Febrilschrift zu 70 Geburtstage. Philosophische Abhandlungen, Berlin, 1912, S. 423—456.

же никогда не был напечатан.

После всего сказанного а priori ясно, что оригиналом для русского текста «Логикки Моисея Египтянина» мог послужить лишь еврейский перевод Моисея Ибн Тиббона (озаглавленный «Книга терминов логики» — Сефер миллот ха-хитга'аф). Действительно, даже самого бедлого сличения обоих текстов достаточно, чтобы убедиться в этом. Укажу лишь на один, на мой взгляд, вполне убедительный пример. В конце каждой главы трактата приводится перечень объясненных в данной главе терминов, начинающийся одной и той же вступительной фразой: «всех терминов, смысл которых истолкован в этой главе, столько-то» (приводится число), в русском тексте эта фраза несколько сокращена и звучит следующим образом: «вс^х словъ поминаемыхъ во вратахъ сихъ» или еще короче: «вс^х словъ во вратахъ си^х» сколько-то. Название главы «вратами» мы находим только в переводе Ибн Тиббона (ша'ар), в переводе же Ахитуба глава именуется «разделом» (перек), и потому совершенно очевидно, что оригиналом русскому тексту послужил именно еврейский текст Ибн Тиббона.

Прежде чем перейти к характеристике русского текста «Логикки», следует отметить, что текст этот не во всех рукописях одинаков, вернее — все три рукописи текстуально более или менее отличаются одна от другой, ввиду чего для издания памятника следует привлечь все три манускрипта. В качестве образца приведем введение полностью по рукописям московской и соловцевкой, предпослав русскому тексту соответствующие строки из текста Моисея Ибн Тиббона в дословном переводе.

Ибн Тиббон: «Сказал наставник наш Моисей, сын достопочтенного учителя, наставника нашего Маймона (память праведника благословенна!): «Просил один сановник из знатоков богословских наук и из людей красноречия и риторики на языке арабском, некоего человека, который изучал искусство логики, чтобы тот объяснил ему смысл имен (т. е. терминов), часто упоминающихся в искусстве логики, и разъяснил ему то, в чем последователи этого искусства достигли согласия. Но при этом чтобы он стремился к изложению кратко, и не углублялся бы чрезмерно в вопросы, дабы не умножать слова. Ибо намерение вопрошающего (да возвеличится его честь) заключается не в том, чтобы изучить это искусство на основании того, что ему сообщат о нем вопрошаемый, так как предпосылки, необходимые для желающего изучить это искусство, многочисленны, — но намерение его состоит лишь в том, чтобы узнать то, в чем они добились единогласного толкования, и никак не более этого».

М. «Рече Моисей Египтянина. Пыталъ мя пань единъ премудрый рѣчникъ арапскій о премудрости словесной, нарицаемая логика, абыхъ ему рассказалъ слово страннѣе, иже прислухають в лоуцѣ премудрымъ людемъ, языкомъ короткимъ, не преволоая, о всѣхъ страннѣхъ, нижили збудитъ сердце учениковъ до премудростей седми и до великихъ книгъ логичныхъ, иже

они суть судно всѣмъ тѣмъ мудростемъ седмиимъ».

С. «Рече Моисей Египтянинъ, глагола ми, господице нѣкто премудрый о премудрости словесной, нарицаемѣй логицѣ, дабымъ ему расповѣдалъ слова страннѣе, иже пристоятъ в логицѣ мудрымъ людемъ языкомъ короткимъ, не преволоая оу всѣхъ словесъ страннѣе, негли возбудитъ сердце учениковъ до премудростей седми, и до великихъ книгъ логицныхъ, иже оны суть соудъ иже всѣмъ тѣмъ мудростемъ седмиимъ».

Уже из сличения этих нескольких строк можно сделать вполне определенные, хотя и не всегда, по-видимому, окончательные выводы. Во-первых, русский текст не есть буквальный перевод еврейского текста, а должен быть назван его переложением; во-вторых, совершенно ясно, что большинство отличий русского текста от еврейского могут быть отнесены за счет переводчика, стремившегося по возможности упростить переводимый текст, вероятно, для того, чтобы сделать его более доступным русскому читателю, а отчасти, несомненно, еще и потому, что некоторые детали еврейского оригинала и самому ему не были вполне понятны; однако, некоторые отличия столь значительны, что никак не могут быть приписаны переводчику, и дают нам некоторые основания предположить наличие какой-то неизвестной нам версии еврейского текста, существенно отходящей от текста Маймонда и послужившей непосредственным подлинником русскому переводчику. Впрочем, тут же вполне, как будто бы, уместен вопрос: действительно ли русский перевод сделан непосредственно с еврейского текста? Некоторые соображения по этому вопросу будут изложены несколько ниже. Ко всему этому следует добавить, что позднейшие переписчики русского текста стремились к еще большему его упрощению, внося в него на свой риск различные мелкие изменения и сокращения, что и явилось причиной довольно многочисленных различий во всех трех рукописях: насколько П отличается и от М, и от С, можно судить хотя бы по первым строкам вышеприведенного введения, которые в П имеют следующий вид: «Рече Моисей Египтянинъ. Вопроша^х мя нѣкто преѣмръ и рѣчникъ арабскій премудрости словесной яже нарицаема логика...».

Рассмотрим подробно, в чем состоит отличие русского текста от еврейского. Начальные слова введения по рукописям М — «Рѣчи Моисей Египтянина» — А. И. Соболевский принял за заглавие сочинения;⁹ в действительности это, однако, лишь искажение стоящих в начале введения по П и С слов: «Рече Моисей Египтянинъ», отвечающих соответствующим словам еврейского текста: «Сказал наставник наш Моисей» и т. д. Что касается заглавия трактата, то в обеих ленинградских рукописях оно обозначено вполне определенно: П — «Книга глаголемая логика», С — «Книга глаголемая логике сирѣчь словесница»,

⁹ А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси, с. 403.

московская рукопись, по-видимому, не сохранила заглавия, иначе А. И. Соболевский едва ли прошел бы его молчанием. Из этого мы можем заключить, что М, несмотря на свою сравнительно с двумя другими рукописями большую древность, в текстуальном отношении кое в чем должна быть исправлена по тексту П и С. Следует отметить также, что в С мыстундо затемен неправильной расстановкой знаков препинания; так, в самом начале слова «глагола ми» ошибочно отнесены к вводным первым словам, что вносит существенное искажение в смысл текста, так как отделяет автора трактата от Моисея Египтянина, расцепляя, таким образом, одно лицо на два.

Первое существенное отличие русского текста от еврейского, внесенное, возможно, самим переводчиком в целях упрощения, или же имевшее уже в том неизвестном нам изводе, который послужил непосредственным оригиналом русскому переводчику, заключается в замене того лица, к которому обращен вопрос сановника, простым личным местоимением первого лица единственного числа; таким образом, пространное вступительное предложение еврейского текста «попросил один начальник... некоего человека, который изучал искусство логики», превратилось в упрощенное «пыта мя пан един». По существу, такая замена вполне закономерна, так как под «неким человеком, который изучал искусство логики», разумеется, конечно, никто иной, как сам автор трактата, Моисей Маймонид, однако, все же при строгих требованиях, предъявляемых к переводу, подобное «самоуправство» переводчика — если только в этом повинен действительно переводчик — едва ли допустимо, и не только по нашим понятиям, но и по понятиям средневековой науки.

Но самым разительным, особенно бросающимся в глаза отличием обоих сравниваемых текстов друг от друга является резкое несоответствие конца введения в русско переложении концу его в еврейском тексте. В последнем излагается цель вопроса, обращенного к автору со стороны «некоего сановника», который отнюдь не стремится изучить логику во всех ее подробностях, а желает лишь ознакомиться с основными, общеупотребительными ее понятиями. В русском же тексте задачей трактата названа вещь совсем иная — а именно, истолкование логических терминов, чтобы помочь изучающему эту науку приступить к чтению «великих книг логичных», под кои ми разумеются, вероятнее всего, логические сочинения Аристотеля, и таким образом ввести его в сферу «семи наук» — знаменитых *trivium*'а и *quadrivium*'а, изучавшихся как в средневековой Европе, так и в странах арабской культуры. На мой взгляд, упоминание этих «семи наук», на которых нет ни малейшего намека в еврейском тексте, равно как и остальные отличия заключительной части введения русского текста от соответствующих строк еврейского текста, едва ли должны быть отнесены за счет самого русского переводчика; естественнее допустить, что он уже нашел их в своем непосредственном оригинале.

Из остальных менее значительных вариантов упомянем лишь один. «Некий сановник из знатоков богословских наук и из людей красноречия и риторики на языке арабском» в русском тексте сильно упрощен: «пан един премудрый речник арапский»; дальнейшие перепишечки, стремясь к еще большему упрощению текста, выкинули: один (П) — слова «пан един», заменив их простым «некто»; второй (С) — слова «речник арапский» как, по-видимому, мало понятные и излишние; кроме того, в С слова «пан един» заменены словами «господин некто», что объясняется, по-видимому, стремлением устранить некоторые белоруссизмы основного текста, попавшего в руки среднерусского переписчика. Итак, из всего изложенного мы можем усмотреть, что отношение русского текста к еврейскому представляет проблему достаточно сложную, для решения которой нужен ряд дополнительных данных.

Варианты и отличия, столь бросающиеся в глаза в тексте введения, неопекают собою и весь остальной текст памятника, начиная с первой его главы и до последней. Вот начало первой главы по тексту Ибн Тиббона и по русскому тексту:

Ибн Тиббон. «Имя, которое арабские авторы грамматик называют подлежащим, знатоки искусства логики называют субъектом (ибс'е'), а то, которое грамматика называют описанием подлежащего, знатоки искусства логики называют предикатом (ибс'у'), безразлично, будет ли это «описание» (сиптур, равно арабскому сифа) именем, или глаголом, или частью, или предложением — все это называется предикатом...»

С «Слова еже зовуть поеврейски носе, послоневски держитель, поеврейски насу, послоневски одержаний, несть разнь, аще был имя или слово, или дьло, или р'ьч, или осудь, все назоветься одержание...»

В этом отрывке прежде всего выброшены термины арабской грамматики, из которых Маймонид исходит при объяснении основных логических терминов (вспомним, что лицо, по просьбе которого написан трактат, принадлежало к числу «людей красноречия и риторики на языке арабском», т. е. обладало традиционной арабской филологической ученостью) и заменены, как этого и следовало ожидать, русскими («словесными») эквивалентами еврейских терминов *насу* и *носе*; но остальные грамматические термины, относящиеся к предикату, в основном, сохранены.

Прежде чем сообщить список основной логической терминологии нашего памятника, я намерен привести здесь полностью две главы из него (главы V и VI), предпослав им, как это имело место во всех вышеприведенных образцах текста, соответствующие главы из перевода Ибн Тиббона в дословном переложении. Я полагаю, что это отнюдь не будет бесполезно, так как поможет читателю войти в общий язык и слог русского текста, что на основании ранее сообщенных кратких отрывков было все же более чем затруднительно.

Глава V. Ибн Тиббон. Всякое суждение, пре-

дикат которого изменен в субъект, а субъект¹⁰ {— в предикат, если оно остается при этом правильным, как и было, то мы его называем оборотом суждения или обратным суждением. Но если правдивость его не устоит и оно окажется ложным, то мы называем это извращением суждения или суждением извращенным. Например, мы скажем: «Ни один человек не летает», и наоборот: «Ни одно летающее не человек». (...) ¹¹ Однако если ты скажешь: «Всякий человек — животное», то к этому должен сказать: «Часть животных — человек», тогда это будет правильным оборотом, ибо такое (суждение) — истина. Но если мы извратим его, сказав: «Всякое животное — человек», то это будет извращением, а не обратным суждением.

Всех терминов, смысл которых истолкован в этой главе, четыре, а именно: (1) — оборот суждения; (2) — извращение суждения; (3) — обратное суждение; (4) — извращенное суждение¹².

Глава VI. Ибн Тиббон. Известно при малом размышлении, что из двух обособленных суждений не должно возникнуть нечто общее. Так, мы можем сказать, например: «Всякий человек — животное»; или: «Всякий очень горяч»; или: «Всякий очень холоден». Хотя бы ты привел таким образом очень большое количество обособленных суждений, из их совокупности не станет обязательным что-нибудь иное. Но если они имеют меж собою нечто общее в любом виде отношения, так, что из них совместно должно возникнуть другое суждение, именно соединение двух суждений тогда называется силлогизмом, а каждое из двух суждений называется тогда предпосылкой (постулатом). Третье же суждение, обязательно возникающее из связи двух предпосылок, называется умозаключением (выводом) и называется также следствием. Мы скажем ради примера: «Всякий человек — животное» и «всякое животное обладает чувствами». То, что должно возникнуть обязательно из связи этого, таково: «Всякий человек обладает чувствами». И тогда, поразмыслив над примером, который мы приведем, ты найдешь, что у силлогизма три члена (части), ибо каждое суждение, как мы объяснили, имеет два члена: предикат и субъект. И сюда попадает выражение общности между двумя суждениями в качестве (еще) одного члена, так что всех членов — три. Член, устанавливающий общее для двух суждений, мы называем средним определением. Обособленные члены называются концами, а союз их обоих — умоза-

ключением (выводом), или следствием. И обрати внимание также на два члена умозаключения, ибо предикат заключения — это та часть силлогизма, что называется первым и большим концом. А та предпосылка силлогизма, у которой первый и большой конец, называется большой предпосылкой. Субъект же умозаключения в силлогизме — то, что называется концом последним и малым. И та предпосылка силлогизма, в которой малый конец, называется малой предпосылкой. (...) Теперь мы снова обратимся к нашему примеру, дабы дополнить объяснение терминов. Силлогизм, который мы привели примером, таков: «Всякий человек — животное» и «всякое животное обладает чувствами», а умозаключение этого силлогизма следующее: «Всякий человек обладает чувствами». Членов этого силлогизма три: «человек», «животное» и «обладает чувствами». Среднее определение у него — «животное», концы же — «человек» и «обладает чувствами». Малый и последний конец это — «человек», а конец первый и большой это — «обладает чувствами». Малая предпосылка — это наши слова: «Всякий человек — животное», а большая предпосылка — слова: «Всякое животное обладает чувствами». Итак, теперь разъяснены значения этих важнейших терминов, которые надлежит знать в искусстве логики.

Всех терминов, смысл которых истолкован в этой главе, одиннадцать, а именно: (1) — силлогизм; (2) — предпосылка; (3) — умозаключение; (4) — следствие; (5) — среднее определение; (6) — первый конец; (7) — последний конец; (8) — большой конец; (9) — малый конец; (10) — большая предпосылка; (11) — малая предпосылка.

Текст V и VI глав «Логики Анаксафа» публикуется по списку рукописи Сол. 105 (263), л. 49 об.—51 из собрания Государственной Публичной Библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Правила воспроизведения текста:

Буквы: ъ, ь, ы, і — сохраняются.
Буквы: А, Б — передаются через «я».
Буква ѿ — передается через «о».
Выносные буквы вносятся в строку.
Титла раскрываются.
Сохраняется пунктуация рукописи.
Знаки придыхания и ударения опускаются.

Публикуемый текст сверен нами со списком рукописи Потод. № 1146, л. 4—4 об. (далее — П.). Различия даются в примечаниях.

л. 49 об. Глава ξ я^а
Всякій ° осудъ, аще измѣнится * / одержанный ею^г ко одержателю^а / ею^г да одержатель * ею^г ко одержанному ею^г, аще станетъ въ / правдѣ, наречется осудъ воспятыи^ж, аще же станетъ въ не/правдѣ^з, наречется ° осудъ превращенный. яжеже ° речемъ о пре/вращеніи, никоторая отцита человекъ/

л. 50 а ° когда речемъ всякъ человекъ живъ / речемъ. часть живаго человекъ ° да / будетъ воспитная ° правда °. да / аще воспятыи^ж ею, да изречем / всякое ° живое человеку^р, се превраще/

¹⁰ Прямые скобки вводят текст, подготовленный издателем. Перевод еврейского текста V—VI глава трактата выполнен К. В. Стариковой по традиционному изданию: Ве'аן millot ha-higgadotot le-gabbéni ha-gdoli Moshe ben Maimon... с комментариями и приложениями Моисея Мендельсона, Исаака Сатанова, Моисея Куматьяно и Илии Мизрахи. Издатель Давид Служкий. (Mileth Higoien (takl) Warszawa, 1865.)

¹¹ Текст в круглых скобках здесь и в гл. 6 отсутствует как в арабском оригинале, так и в переводе Ахитуба из Палермо. Он пропущен в перевод Ибн Тиббона из комментариев, которые сопровождают его в изданиях.

¹² Порядковые цифровые обозначения терминов отсутствуют в арабском оригинале и в переводе Ахитуба.

ние, а не восприятие с. всѣх словъ поминаемых во вратахъ сихъ. 4^т. два осуда, воспятительный⁷ превра/щениы. и воспятительство^Ф и / превращенство. *

* gubra; П врата ē—gubra. ° В—gubra. * П—изм рится. ° П—ев. * П—одержителю. ° П—одержитель. * П—вспятный. * П—не останется в правд. * на полях С: мь ею. П—наречем ею. * П—но. * П—или. * П—человека. * П—вспятнааса. ° П—права. * П—всяко. * П—человѣкъ; ° на полях: востіе; П—вспятіе. * П—нет. ° П—вспятный. ° П—вспятство. * П—превращеніе.

Глава 5. я. Вѣдомо⁶ с малаго⁹ смысла^г, аже^а два / осуда⁸ разных^ж, не прибудет в нею³ ничего, якоже речемъ, всякъ огнь / горящъ^к, всякъ свѣтъ студень / не прибудет^к ис того ничего, ниже^а / примѣшались нѣкотороу сто/роною примѣшеноу. но будеть / от сихъ рожденіе. якоже речемъ /

л. 50 об. всякъ человекъ живъ, и всякъ человекъ / чювственъ, се от сею^к оурядисъ^л / намъ двою^о осудъ^н, всякъ живъ / чювственъ есть. а когда^р оузриши^с вся^т ровнанія предиреченная⁷. / найдеши осудовыхъ три доли, / якоже предирекохомъ. первый осуд / ровнанія^Ф, наречется конецъ пер/вый и малый. слово же среднее / что сносить вмѣсто два осуда / тая^к наречется^н средній. осуд же / послѣдній, наречется^н конецъ / большій. а когда^т от тѣхъ осудовъ / иже в ровнаніи семь, наречемъ его малый предокъ. а дру/гий конецъ послѣдній, наречемъ / его большій предокъ, якоже речемъ /

л. 51 всякъ человекъ живъ, се есть предокъ малый одержанный же въ предку семь, наречемъ его средній. а еже всякъ жив чювствен / сей осудъ наречем предокъ тели/кій да одержитель его зовется / средній. а одержанный его. се / есть конецъ большій послѣдній. / всѣхъ словъ поминаемых^м во вратахъ / сихъ. десять^ш. ровнаніе, предокъ / роженіе². промежнйкъ^ж, конецъ пер/вый, и малый. конецъ послѣдній / великій. предокъ великій, предокъ / малый.

*—gubra; П—врата. 5 gubra. ° В—gubra. * П—малого. * П—смыслу. * П—яже. * П—осуды. * П—с нйкъ. * П—розныхъ. * П—горячъ. * П—не будет. * П—нижеди. * П—снъ. * П—уродится. ° П—дву. * П—осудов. * П—коли. ° П—досмотриши. ° П—вси. ° П—предреченны. * П—урованія. * П—т х. * П—наречем его. ° на полях: егжда. П—а которогождо. * П—глагоলেখ. * П—1. * П—роженая. * испр.: промежнйкъ.

Следу замыслу А. Я. Борисова, мы присоединяемся к образцам перевода индекс-гlossарий для пятой и шестой глав трактата. Славянские и еврейские слова дополняются современной русской лексикой и буквальным значением существительных, использованных Ибн Тиббоном в качестве философских и риторических терминов, так как без этого во многих случаях непонятны новообразования переводчика «Логикн жидовствующих».

Список
терминологических соответствий
к V и VI главам «Логикн» Авнасафа

Славянский текст	Еврейский текст Ибн Тиббона	Современный рус. язык	Буквальное значение	Примечание
V				
1. (осудъ) воспятительный	mišpāt mehpappā	суждение обратное	суждение перевернутое	В переводе Ибн Тиббона термины 1—2 соответствуют порядковым №№ 3—4
2. (осудъ) превращенный	mišpāt hāfūq	суждение извращенное	суждение перевернувшееся	То же в переводе Агнуба
3. воспятительство	hippūq hamišpat	оборот суждения	переворот, опрокидывание	
4. превращенство	hefeq hamišpāt	извращение суждения	опрокинутость, беспорядок	
VI				
1. ровнаніе	haqqēs	силлогизм; суждение по аналогии	сравнение; сопоставление	араб.: <i>القیاس</i>
2. предокъ	haqqāmāh	предпосылка (постулат)	предисловие; предшествие	
3. роженіе	tōiādāh	заключение (вывод)	порождение	дословный перевод араб.: <i>التنبية</i> бука. ожеребеніе (кобылы, верблюдицы)
4. промежнйкъ	gebūl emšā'i	среднее определение	средняя граница, межа	В переводе Ибн Тиббона четвертым термином является <i>rēdīfah</i>
5. конецъ первый	qaseh rī'zon	конец первый	то же	В оригинале и переводе Ибн Тиббона после термина «конец первый» следует термин «конец послѣдній»

6. (конец) малый	qāṣeḥ qāṭān	конец малый	то же
7. конец последний	qāṣeḥ aḥarōn	конец последний	то же
8. конец великий	qāṣeḥ gādōl	конец великий	то же
9. предокъ великий	haqqāmāh gedōlāh	большая предпосылка	
10. предокъ малый	haqqāmāh q*ānnāh	малая предпосылка	

A. J. Borissov

ON THE ORIENTAL ELEMENTS IN OLD RUSSIAN LITERATURE

The article is devoted to the Old Russian translation of the logical treatise of M. Maymonid. A. J. Borissov determines the author of Hebrew translation from Arabian original. He shows the importance of this treatise for the history of the Old Russian literature. The article contains also the translation from Hebrew text in Russian and the text of the Old Russian translation.